

КТО ВИНОВАТ?

Ирма Кудрова. Третья версия. *Сегодня. - 1994. - 26 марта. - с. 12.*
 Еще раз о последних днях Марины Цветаевой. «Новый мир», № 2

Константин Поливанов

В

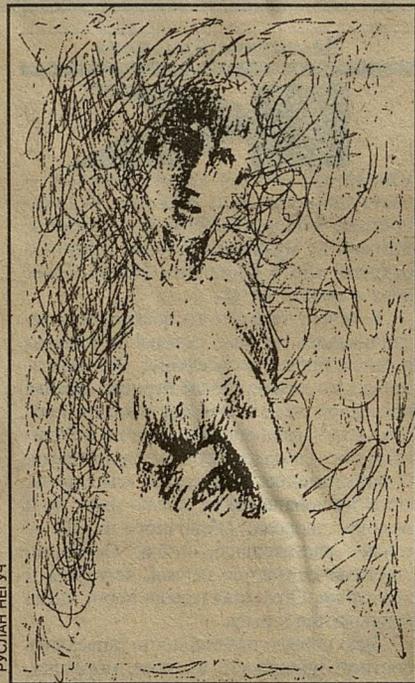
серьезном разговоре о причинах гибели Марины Цветаевой тему НКВД не минуешь. Аресты сестры, дочери и мужа, который и сам немало потрудился на «евразийской» ниве — в филиале все того же учреждения, — безусловно отозвались в дни елабужской трагедии. Работа Ирмы Кудровой, обнаруженная с год назад парижской «Русской мыслью», а теперь «Новым миром», убеждает не в косвенной, но в непосредственной причастности органов к самоубийству поэта.

Отправным пунктом «третьей версии» стал фрагмент книги Кирилла Хенкина, где автор (в прошлом чекист, парижский знакомец Цветаевой и Эфрона) говорит о елабужской вербовке: чины НКВД настойчиво предлагали Цветаевой стать «секретным сотрудником». Кудрова тщательно подбирает и анализирует факты, подтверждающие рассказ Хенкина. Реконструкция жизненных обстоятельств полувековой давности — дело всегда рискованное, но пристальный разбор всевозможных свидетельств о последних днях Цветаевой позволяет нарисовать психологически (и социально-исторически) достоверную картину. Более того, возникает ощущение, что вне версии об активности чекистов мы не можем логически увязать разнообразные сведения о словах и поступках поэта, предшествовавших катастрофе.

Развивая соображения Кудровой, как кажется, можно предположить, что Цветаеву не оставили без внимания и во время ее поездки из Елабуги в Чистополь.

Возможно, и отправилась туда Цветаева не только в поисках жилья и работы, но и желая если не скрыться от чекистского попечительства, то хотя бы найти какую-то опору для противостояния. Легко предположить, что чистопольские коллеги елабужских кровопийц успели продемонстрировать свою заинтересованность в недавней эмигрантке. Это могло бы объяснить «внезапный» отказ Цветаевой от поисков пристанища и службы после того, как комиссия Союза писателей все же милостиво разрешила ей остаться в Чистополе. Понятными становятся и «неожиданные» колебания (переезжать — оставаться в Елабуге), и зафиксированное Л. К. Чуковской «вдруг» возникшее убеждение, что в Чистополе все равно не дадут жить и работать, и, наконец, загадочный поход куда-то (по некоторым сведениям — в гостиницу, то есть в типовое место встреч чекистов и их подопечных), откуда Цветаева вернулась измученной и подавленной. Чистопольский чекист мог со свойственной его профессии прямотой объявить, что сотрудничество с органами будет неизбежным условием «вольного» существования Цветаевой и ее сына. Мог быть пущен в дело шантаж судьбами дочери и мужа (что-нибудь вроде: «Согласитесь — им лучше будет»). Могло прозвучать и обобщение: отказ от контактов с НКВД полностью закрывает перспективы трудоустройства, грозит арестом сына и гибелью близких — так будет не только в Елабуге и Чистополе, но в любой точке советской страны.

Как подчеркивает Ирма Кудрова, ее работа — лишь версия. Мы не знаем, обнаружатся ли когда-нибудь документальные свидетельства, позволяющие ее доказать (или опровергнуть). Но справедливость авторских выводов подтверждается



РУСЛАН ПЕДУЧ

не только корректностью биографических реконструкций, но и всем тем, что известно о многолетней деятельности знаменитой организации. Той самой, что по сей день хранит в тайне этапы большого пути, скрывает все, что много лет творилось бойцами невидимого фронта на одной шестой суши и за ее пределами. Там умеют дозировать информацию и подменять ее «полезными» слухами и удобными обтекаемыми соображениями. Например, о «душевном нездоровье» Цветаевой или Мандельштама. Бездумное повторение такого рода соображений служит лишь оправданию подлости и злодейства, удаляет нас от возможности узнать правду о преступлениях. По масштабам зла, причиненного русской культуре, с чекистами может соперничать только коммунистическая партия. Это роднит их не меньше, чем способность, оставаясь собой и только собой, регулярно менять звучные аббревиатуры своих наименований.